

DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-373-380

Научная статья

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

И.Ж. Искаков

Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС
Ул. Смольякова, д. 4, корп. 1, Санкт-Петербург, Россия, 194044

Аннотация. Исследования политических систем и политических процессов в постсоветских государствах Центрально-Азиатского региона основываются, как правило, на институциональных и неинституциональных концепциях. Попытки механически применить те или иные готовые западные схемы описания и даже соответствующий понятийный аппарат к центральноазиатскому материалу редко приводят к убедительным результатам. За рамками исследований остаются многие важные факторы, влияющие на политическое развитие региона. К началу 2010-х годов институционализация и плюрализация политического пространства вне государственного контроля включали в себя и разработку необходимой законодательной базы. Такая база предполагает закрепление правовых основ для создания и эффективного функционирования общественных объединений и организаций и собственно формирование легитимных и жизнеспособных институтов представительства. Российские авторы гораздо лучше знакомы с материалом политической реальности ЦАР, посему дают более взвешенные и точные оценки. Недостатком российских исследований следует считать тот факт, что в методологическом плане они следуют подходам, выработанным западной политологией. Это побуждает концентрироваться на одних аспектах политического развития центральноазиатских государств и недооценивать или даже полностью игнорировать другие, иногда гораздо более существенные. В последние годы этот недостаток постепенно восполняется. Выводы исследователей становятся более объективными, что способствует преодолению ошибочных политических решений, укреплению межгосударственного взаимодействия. Со временем такие исследования будут иметь результатами выработку новых систематических и хорошо отретфлексированных подходов, адекватных предмету политологического изучения.

Ключевые слова: политологические исследования, Центрально-Азиатский регион, политический процесс, политический институт

Исследования политических систем и политических процессов в постсоветских государствах Центрально-Азиатского региона обычно основываются на подходах, первоначально выработанных при изучении других регионов мира. Так, институциональные и неинституциональные концепции, особенно популярные в современной политологии, сложились в ходе теоретического описания политической жизни США и стран Западной Европы; цивилизационный подход изначально был связан преимущественно с исследованиями исламских государств

© Искаков И.Ж., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

и Китая; теории демократического транзита возникли при анализе эволюции политических систем некоторых государств Южной Америки и затем, с некоторыми коррекциями, успешно применялись для описания политических трансформаций, происходивших в 1990-е годы в восточноевропейских странах. То же самое относится к методам компаративного анализа, и в особенности к теории модернизации.

Попытки применить те или иные готовые схемы описания и даже соответствующий понятийный аппарат к центральноазиатскому материалу редко приводят к убедительным результатам. Непонимание специфики центральноазиатских обществ и их политической культуры порождает иллюзии и ведет к принятию ошибочных политических решений. «Стремление бывших советских республик „сбежать от географии“ путем наращивания связей с Вашингтоном и Брюсселем, — отмечает С. Маркедонов, — воспринималось значительной частью экспертной аудитории на Западе как важная предпосылка для их демократизации. Но можно ли сегодня говорить о том, что данная схема применима к постсоветским политическим процессам? Отождествление выбора внешнеполитических приоритетов с ценностным выбором базируется на представлении о том, что дипломатия ведущих международных игроков строится на основе идеологических приоритетов» [10], что, по мнению автора, неверно в случае постсоветских государств вообще и государств Центральной Азии в особенности.

В западной научной литературе попытки выявить специфику политических систем, сложившихся на постсоветском пространстве, обычно приводят к попыткам реанимации концепции «восточного деспотизма» (например, в версии К. Витфогеля [15; 16]), констатации существования в этих государствах «султаннских режимов» (Х. Линц и др. [14]) и другим столь же размахистым и неправомерным обобщениям. В российских исследованиях, как правило, даются более взвешенные и точные оценки, поскольку авторы гораздо лучше знакомы с материалом, однако в методологическом плане они следуют подходам, выработанным западной политологией. Это побуждает концентрироваться на одних аспектах политического развития центральноазиатских государств и недооценивать или даже полностью игнорировать другие, гораздо более существенные.

До недавнего времени систематически недооценивалось значение этнических факторов, роль родовых и клановых форм общественной организации в политической жизни государств Центральной Азии. Лишь в последние годы эти вопросы стали предметом пристального внимания российских политологов. Обратиться к этой теме их побудило накопление эмпирических данных, неопровержимо свидетельствующих о значительном влиянии межнациональных отношений, а также отношений внутри традиционных социальных структур и между такими структурами на политические процессы во всех странах региона. В официальной политической риторике это влияние никак не отражается. Если существование национальных меньшинств и важность предотвращения межнациональных конфликтов все же признаются политиками и СМИ, то наличие в этих обществах родов, кланов, племен, традиционных сельских общин и т.д. принципиально обходится молчанием, как обстоятельство, противоречащее официальной идеоло-

гии и конституционным принципам государственного устройства, хотя все граждане этих государств знают об их существовании и хорошо понимают их значение в реальной политической борьбе. Этнологические, социологические, политологические научные исследования на эту тему чрезвычайно важны: это фактически единственная возможная форма публичного обсуждения подобных отношений и идентичностей, их объективации, рационального осмысления и оценки с точки зрения интересов общества в целом.

В настоящее время можно считать установленной важную политическую роль такого рода архаичных структур и социальных отношений, как хозяйственных, так и властных, как особенность всего ЦАР. В каждой отдельной стране этот фактор проявляется по-разному, в зависимости от преобладающего характера самих традиционных общностей, что, в свою очередь, накладывает отпечаток на устройство и функционирование национальных политических систем, во многом определяя их специфику и вектор дальнейшей эволюции. Например, «Туркменистан отличался от Таджикистана относительно малочисленной национальной интеллигенцией, а также отсутствием общенациональной идентичности. <...> Межплеменная вражда, восходящая корнями к давним историческим событиям, играет очень большую роль во внутритуркменской кланово-политической жизни» [5]. Эта констатация уже стала обыденной, перешла из академического дискурса в журнальную политическую аналитику и публицистику.

Впервые о племенной структуре туркменского общества как политическом факторе написал в начале 1990-х годов туркменский этнолог и историк Ш.Х. Кадиров [3; 4].

Туркменбаши почти в каждой главе «Рухнамы» возвращается к мысли о единстве древней туркменской нации, разделение которой на племена было временным явлением и давно преодолено. Очевидно, что именно политическая острота этнической проблемы вынуждает власти замалчивать и даже прямо отрицать ее существование. Вероятно, существует связь между доминированием в политической жизни Туркменистана ахальских теке и, в меньшей степени, марыйских теке, йомудов и эрсари при подчиненном положении многих других племен, и тем общепризнанным фактом, что из всех постсоветских государств Центральной Азии именно в Туркменистане возник и продолжает существовать наиболее жесткий авторитарный политический режим. Отмечаемая многими исследователями относительная демократичность (обратной стороной которой является нестабильность) политической системы Киргизии может быть, по меньшей мере, частично объяснена тем, что здесь почти все многочисленные этнические и другие традиционные общности, независимо от их экономического положения, имеют своих политических представителей¹.

В Киргизии действует множество политических партий и общественных организаций, выражающих интересы различных социальных и этнических групп, причем государственный контроль над ними минимален. Это позволяет ряду исследователей рассматривать Киргизию как «остров демократии» в ЦАР. Такой

¹ О специфике политического развития независимой Киргизии см., напр.: [2; 7; 11].

образ прочно закрепился в лексиконе политиков, а также политических экспертов и аналитиков постсоветского пространства. По их мнению, Кыргызская Республика, лишенная запасов углеводородных ресурсов и потому наиболее заинтересованная в развитии интеграционных процессов в Евразии, совершила рывок в модернизации политических институтов и построении современного демократического государства. Не случайно ее называют наиболее приближенной к идеалу западной демократии страной постсоветской ЦА. Данное заключение можно рассматривать как результат рассуждений, основанных на антитезе, а именно — на противопоставлении Кыргызстана всем остальным государствам региона. На их фоне Кыргызская Республика остается примером слабости авторитарной власти (в ее личностном и институциональном измерениях) при сравнительно более высоком уровне политической самоорганизации населения и развитости институтов гражданского общества. Г. Лукьянов отмечает: «В 2010—2016 гг. ... было зарегистрировано более двухсот партий, значительная часть которых остается жизнеспособной и активно участвует в политической жизни страны на различных уровнях: от районного и муниципального до областного и общереспубликанского» [9].

Как указывают другие авторы, подобное положение вещей объясняется вовсе не высоким уровнем «европеизированности» политического сознания, а, напротив, его глубокой традиционностью, приверженностью догосударственным патриархальным формам общности и опять-таки отсутствием национального единства. В отличие от Туркменистана здесь отсутствует какая-либо безусловно доминирующая общность. В этих условиях представителям различных кланов приходится заключать коалиции, хрупкий баланс сил внутри которых в любой момент может быть нарушен. «Результаты выборов в Жогорку Кенеш Киргизии закрепили новую социально-политическую веху в республике: многопартийные конкурентные выборы, в рамках которых в парламент республики проходят межрегиональные коалиции политиков, опирающихся на патронажные, родовые, земляческие группы с целью усиления контроля над ресурсами» [1]. Это вынужден признать и Г. Лукьянов, подчеркивая закрепление местнического, кланового характера существующих политических партий, построенных преимущественно на основе неформальных связей с целью отстаивания узконаправленных групповых целей в ущерб «общему делу» [9]. Как видим, относительная слабость центральной власти и бурное развитие институтов, имитирующих западные формы политического представительства и гражданского общества, в данном случае не свидетельствует о социальной модернизации: они, напротив, закрепляют исторически сложившуюся разобщенность, не окончательно преодоленную в советский период.

Исследователь полагает, что в Кыргызстане богатая традиционная культура сельских районов и продуцируемая ею клановая политическая культура подпитывают территориальное размежевание районов компактного проживания представителей титульной нации. Система неформальных норм и правил общественного поведения на государственном уровне служит непреодолимым препятствием для дальнейшей интеграции в политическую систему республики представителей национальных меньшинств, прежде всего, узбеков, численность которых составляет около 14% населения [9].

Аналогичный анализ можно провести и для остальных стран региона: во всех случаях выявляются глубинные связи между особенностями их политического развития в новейший период и сложившейся в данной стране конфигурацией традиционных, догосударственных форм общности, уровнем напряженности в отношениях между ними, многовековой историей межэтнических и межклановых конфликтов и компромиссов. Конфликты и компромиссы между «имущими» и «неимущими», привилегированными и неполноправными, собственниками и наемными или зависимыми работниками, составляющие стержень европейской и американской политической истории последних трех веков, никогда не имели здесь такого размаха и исторического значения, как на Западе. Представляется, что именно по этой причине в последнее время тема кланов и их влияния на политику в Центральной Азии стала предметом исследований зарубежных авторов, пытающихся соединить этот материал с привычной проблематикой институционального анализа и транзитологии [12; 13].

Однако выявить данный фактор и показать его воздействие на формирование и функционирование политических систем — лишь первый этап его исследования. При отсутствии сколько-нибудь разработанных теоретико-методологических принципов его осмысления оказывается крайне сложным определить, способствует ли он в целом достижению фундаментальных целей общественного развития или, напротив, противоречит им. В этом отношении высказывались прямо противоположные оценки: от простого объявления архаических социальных структур и их политической роли «язвами средневековья» [8] до утверждений об их объективно позитивном значении, подобных тем, которые мы видели в некоторых процитированных выше суждениях о политической системе Киргизии. Но большинство исследователей предпочитают ограничиваться констатацией их важности и соглашаются, что этот фактор будет действовать еще долго. «Кланово-племенные структуры показали свою жизнеспособность за 70 лет советской власти, пережили периоды активного подавления... и переживают ренессанс в последние 20 лет. Учитывая это, можно прогнозировать их сохранение в том или ином виде как минимум в ближайшие полвека» [6].

Методологические проблемы и затруднения, возникающие у исследователей при анализе центральноазиатского материала, путаница в терминологии, противоречия в оценках не случайны. Это результат несоответствия концептуальных схем, изначально разработанных для описания политических процессов и политических систем других регионов, и того эмпирического материала, к которому их пытаются применить. Попытки использования этих готовых схем и шаблонов хотя и неизбежны и на каком-то этапе даже полезны, но, по сути, так же несостоятельны, как и объяснения всех событий политической истории Средней Азии с позиций теории классовой борьбы, во множестве предлагавшиеся в советское время. Чтобы понять, что в действительности происходит в Центральной Азии, нужно не исходить из заранее заданных представлений о том, что такое политика, для чего она нужна и как осуществляется, а опираться на факты и пытаться их непредвзято осмыслить, увидеть скрытую в них рациональность. Со временем это должно привести к выработке новых систематических и хорошо отрефлекти-

рованных подходов, адекватных предмету изучения. В противном случае академический политологический анализ происходящих в регионе событий останется неполным, неубедительным и не будет представлять интереса для непосредственных участников политических процессов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Бердаков Д.* Итоги выборов в Кыргызстане: парламент олигархов в условиях турбулентности // РСМД. 02.11.2015. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/itogi-vyborov-v-kyrgyzstane-parlament-oligarkhov-v-usloviyakh/>. Дата обращения: 11.12.2018.
- [2] *Бердаков Д.* Собрать кубик Рубика: политические трансформации Кыргызстана // РСМД. 17.11.2016. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sobrat-kubik-rubika-politicheskie-transformatsii-kyrgyzstana/>. Дата обращения: 11.12.2018.
- [3] *Кадыров Ш.Х.* «Нация» племен. Этнические истоки, трансформация и перспективы государственности в Туркменистане. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований ИА РАН, 2003. 362 с.
- [4] *Кадыров Ш.Х.* Клятва на «крови». Этнологика нациостроительства. М.: IFECAS, 2016. 186 с.
- [5] *Казанцев А.* Постсоветский Туркменистан: малоизвестное настоящее и неопределенное будущее // РСМД. 09.02.2017. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/postsovetskiy-turkmenistan-maloizvestnoe-nastoyashchee-i-neo/>. Дата обращения: 11.12.2018.
- [6] *Казанцев А.* Центральная Азия: тенденции регионального развития // РСМД. 10.07.2013. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsentralnaya-aziya-tendentsii-regionalnogo-razvitiya/>. Дата обращения: 11.12.2018.
- [7] *Князев А.А.* Векторы и парадигмы киргизской независимости (очерки постсоветской истории). Бишкек: Общественный фонд А. Князева, 2012. С. 8—14.
- [8] *Куртов А.* Язвы средневековья в конституционных системах Центральной Азии // Фергана. 17.10.2006. Режим доступа: <http://www.fergananews.com/articles/4646>. Дата обращения: 11.12.2018.
- [9] *Лукьянов Г.* Кыргызстан: «остров демократии» перед вызовом эффективного управления // РСМД. 23.06.2017. Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kyrgyzstan-ostrov-demokratii-pered-vyzovom-effektivnogo-upravleniya/>. Дата обращения: 11.12.2018.
- [10] *Маркедонов С.* Бегство от географии: почему демократизация не срабатывает на постсоветском пространстве // Евразийские исследования. 27.08.2018. Режим доступа: <http://eurasian-studies.org/archives/9853>. Дата обращения: 11.12.2018.
- [11] *Омаров Н.М.* Кыргызская Республика: исходные условия трансформации // Политический процесс в Центральной Азии: результаты, проблемы, перспективы. М.: ИВ РАН, ЦСПИ, 2011. С. 204—234.
- [12] *Collins K.* Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. N.Y.: Cambridge University Press, 2009. 376 p. DOI: 10.1017/CBO9780511510014.
- [13] *Luong P.* The Transformation of Central Asia: States and Societies from Soviet Rule to Independence. Itaca and L.: Cornell University Press, 2004. 332 p.
- [14] *Sultanistic Regimes / Ed. by H.E. Chehabi, J.J. Linz.* Baltimore and London: Johns Hopkins Univ. Press, 1998. 284 p.
- [15] *Wittfogel K.A.* Oriental Despotism; a Comparative Study of Total Power. New Haven: Yale University Press, 1957. 570 p.
- [16] *Wittfogel K.A.* Results and Problems of the Study of Oriental Despotism // The Journal of Asian Studies. 1969. Vol. 28. № 2. P. 357—365.

METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE STUDY OF POLITICAL PROCESSES IN THE COUNTRIES OF CENTRAL ASIA

I.Zh. Iskakov

University Associated with the IA EAEC
Smolyachkova str., 4/1, St. Petersburg, Russian Federation, 194044

Abstract. Studies of political systems and political processes in the post-Soviet states of the Central Asian region are based, as a rule, on institutional and neo-institutional concepts. Attempts to mechanically apply certain ready-made western description schemes and even the corresponding conceptual apparatus to the Central Asian material rarely lead to convincing results. Many important factors affecting the political development of the region remain beyond research. By the beginning of the 2010s institutionalization and pluralization of the political space outside state control also included the development of the necessary legislative framework. Such a framework implies the consolidation of the legal basis for the creation and effective functioning of public associations and organizations, and the formation of legitimate and viable representation institutions. Russian authors are much more familiar with the material of the political reality of the CAR, therefore they give more balanced and accurate assessments. The disadvantage of Russian studies is the fact that, methodologically, they follow the approaches developed by Western political science. This encourages one to concentrate on some aspects of the political development of the Central Asian states and to underestimate or even completely ignore other, no less, and sometimes much more significant ones. In recent years, this deficiency is gradually being replenished. The findings of the researchers are becoming more objective, which helps to overcome erroneous political decisions and strengthen interstate cooperation. Over time, such studies will have the results of the development of new systematic and well-reflected approaches, adequate to the subject of political science studies.

Key words: political studies, Central Asian region, political process, political institute

REFERENCES

- [1] Burdakov D. The Results of the Elections in Kyrgyzstan: Parliament of Oligarchs in Turbulence. *RIAC*. 02.11.2015. Available from: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/itogi-vyborov-v-kyrgyzstane-parlament-oligarkhov-v-usloviyakh/>. Accessed: 11.12.2018.
- [2] Burdakov D. To Assemble a Rubik's Cube: The Political Transformation of Kyrgyzstan. *RIAC*. 17.11.2016. Available from: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sobrat-kubik-rubika-politicheskie-transformatsii-kyrgyzstana/>. Accessed: 11.12.2018.
- [3] Kadyrov S.H. *“Nation” of Tribes. Ethnic Origins, Transformation and Prospects of Statehood in Turkmenistan*. Moscow: Center for civilizational and regional studies of IA RAS; 2003. 362 p.
- [4] Kadyrov S.H. *Oath on “Blood”. Ethnology of Nation-Building*. Moscow: IFECAS; 2016. 186 p.
- [5] Kazantsev A. Post-Soviet Turkmenistan: Unknown Present and Uncertain Future. *RIAC*. 09.02.2017. Available from: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/postsovetskiy-turkmenistan-maloizvestnoe-nastoyashchee-i-neo/>. Accessed: 11.12.2018.
- [6] Kazantsev A. Central Asia: Regional Development Trends. *RIAC*. 10.07.2013. Available from: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsentralnaya-aziya-tendentsii-regionalnogo-razvitiya/>. Accessed: 11.12.2018.
- [7] Knyazev A.A. *Vectors and Paradigms of Kyrgyz Independence (Essays on Post-Soviet History)*. Bishkek: A. Knyazev Public Foundation; 2012: 8—14.

- [8] Kurtov A. Ulcers of the Middle Ages in the Constitutional Systems of Central Asia. *Fergana*. 17.10.2006. Available from: <http://www.fergananews.com/articles/4646>. Accessed: 11.12.2018.
- [9] Lukyanov G. Kyrgyzstan: “Island of Democracy” before the Challenge of Effective Governance. *RIAC*. 23.06.2017. Available from: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kyrgyzstan-ostrov-demokratii-pered-vyzovom-effektivnogo-upravleniya/>. Accessed: 11.12.2018.
- [10] Markedonov S. Escape from Geography: Why Democratization Does Not Work in the Post-Soviet Space. *Eurasian studies*. 27.08.2018. Available from: <http://eurasian-studies.org/archives/9853>. Accessed: 11.12.2018.
- [11] Omarov N.M. Kyrgyz Republic: Initial Conditions of Transformation. *Political process in Central Asia: Results, Problems, Prospects*. Moscow: RAS Institute of Oriental studies; 2011: 204—234.
- [12] Collins K. *Clan Politics and Regime Transition in Central Asia*. N.Y.: Cambridge University Press; 2009. 376 p. DOI: 10.1017/CBO9780511510014.
- [13] Luong P. *The Transformation of Central Asia: States and Societies from Soviet Rule to Independence*. Ithaca and L.: Cornell University Press; 2004. 332 p.
- [14] *Sultanistic Regimes*. Ed. by H.E. Chehabi, J.J. Linz. Baltimore and London: Johns Hopkins Univ. Press; 1998. 284 p.
- [15] Wittfogel K.A. *Oriental Despotism; A Comparative Study of Total Power*. New Haven: Yale University Press; 1957. 570 p.
- [16] Wittfogel K.A. Results and Problems of the Study of Oriental Despotism. *The Journal of Asian Studies*. 1969; Vol. 28; 2: 357—365.

Сведения об авторе:

Искаков Ирлан Жангазыевич — кандидат юридических наук, ректор Университета при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС (e-mail: iiel2002@mail.ru).

Information about the author:

Irlan Zh. Iskakov — PhD in Law, Rector of the University Associated with the IA EAEC (Russian Federation) (e-mail: iiel2002@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 20.01.2019.

Received 20.01.2019.

Для цитирования:

Искаков И.Ж. Методологические аспекты изучения политических процессов в странах Центральной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 2. С. 373—380. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-373-380.

For citation:

Iskakov I.Zh. Methodological Aspects of the Study of Political Processes in the Countries of Central Asia. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21(2): 373—380. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-373-380.